

Двѣ попытки восхожденія на вершину Тбилисисъ-цвери (4419 м.) въ группѣ Уилпаты.

И. М. Зданевичъ.

Вечеромъ 22-го іюля (новаго ст.) 1916 г. я прибылъ съ поѣздомъ Закавказскихъ жел. дорогъ въ Кутаисъ, а спустя два дня былъ въ мѣстечкѣ Опи, Рачинскаго уѣзда, гдѣ провель до 27-го, занятый приготовленіями къ восхожденію и наблюдая съ балкона „Сѣверныхъ номеровъ“ панораму Бурджулы (4358 м.), дигорскихъ Сахъ-Зайне (4513 м.) и вершинъ въ 1903 и 2071 саж. листа XXII—30 1-верстной карты. Овскимъ жителямъ названія этихъ вершинъ неизвѣстны и всѣхъ ихъ зовутъ сборнымъ именемъ глолскихъ горъ. 27-го приѣхалъ изъ Кутаиса долгожданный дорожный мастеръ села Глола И. М. Бидзишвили, который могъ мнѣ помочь отыскать проводниковъ среди его односельчанъ, и мы выѣхали вверхъ по Военно-Осетинской дорогѣ, започевали въ Уцерѣ и 28-го къ полудню были въ Глолѣ (1412 метр.). Остановившись въ дорожной будкѣ, я принялся вербовать спутниковъ и, наконецъ, остановился на двухъ глолцахъ— Максимѣ Григоришвили и Алексѣѣ Бичашвили.

Мы возвращались къ старой, понынѣ нерѣшенной проблемѣ горной группы Уилпаты (Адай-хоха), къ вопросамъ о восхожденіи М. v. Dèchy въ 1884 году на Адай-хохъ (Alpine Journal, XII, „Caucasus“ т. I) и V. Sella въ 1896 году на Скаттикомъ-хохъ (Bolletino del Club Alpino Italiano, 1897). Наполовину рѣшающимъ эти усложненные въ послѣдніе годы, вопросы должно быть новое восхожденіе на одну изъ вершинъ водораздѣльнаго хребта Караукома и Цей, знакомящее съ окрестностями обоихъ ледниковъ. Вершина 2071 саж. (4420 м.) листа XXII—30 1-верстной карты, извѣстная въ литературѣ подъ именемъ „Бубисъ-хоха“ (M. v.

Dèchy „Caucasus“, V. Ronchetti въ „Ежегодникахъ Р. Г. О.“, „Чанчахи-хоха“ (G. Merzbacher „Aus den Hochregionen des Kaukasus“) и „Тбилисисъ-мта“ (H. Raeburn, Geographical Journal, 1915, III), возвышающаяся при пересѣченіи Главнаго хребта съ водораздѣломъ названныхъ ледниковъ, сосѣдь остраго пика „Чанчахи-хоха“, D. W. Freshfield'омъ признаннаго за Адай-хохъ M. v. Dèchy, не давшаяся ни V. Ronchetti, ни H. Raeburn'у—наиболѣе влекла насъ. Съемка Г. М. Кавтарадзе, — листъ XXII—30 1-верстной карты—производившаяся въ 1891 году съ Караукома (газета „Кавказъ“, 1891, № 208), показала, что въ строеніи вершины „Чанчахисъ-цвери“ нѣтъ особенностей, указанныхъ M. v. Dèchy для Адай-хоха. Но такъ какъ до послѣднихъ лѣтъ работа Г. М. Кавтарадзе была подъ сомнѣніемъ (А. фонъ-Меккъ въ „Ежегодникѣ Р. Г. О.“, т. III), то взглядъ D. Freshfield'a не приходилось считать отвергнутымъ. H. Raeburn экспедиціями 1913 и 1914 г.г. реабилитировалъ работу Г. М. Кавтарадзе и, подтвердивъ несоотвѣтствіе между вершиной „Чанчахи-хохомъ“ и Адай-хохомъ M. v. Dèchy, не сталъ и на сторону V. Ronchetti въ рѣшеніи проблемы (по V. Ronchetti—M. v. Dèchy былъ въ 1884 г. на Уилпата; см. также D. W. Freshfield—The first ascent of Adaï-khokh въ Alpine Journal, № 198), а, видоизмѣнивъ, воскресилъ мнѣніе А. ф.-Мекка (op. cit.) о Мамисонъ-хохѣ (=Адай-хоху M. v. Dèchy), подкрѣпивъ его отличивымъ анализомъ вершинъ южной вѣтви Цейскаго ледника. Вопросъ же о Скаттикомъ-хохѣ остался такимъ-же темнымъ, какъ и двадцать лѣтъ назадъ. V. Ronchetti, соглашаясь съ А. ф.-Меккомъ, призналъ за Скаттикомъ-хохъ вершину 2086 саж. (4452 м.) 1-верстной карты (тотъ же листъ), не замѣчая, что это ведетъ къ не менѣе невѣроятнымъ выводамъ, чѣмъ признаніе Скаттикомъ-хохомъ вершины 2115 саж. (4513 м.)—Вост. Карагома V. Sella, Гулари Сахъ-Зайне А. Ендржеевскаго (Ежегодникъ Р. Г. О., IV), —какъ это сдѣлали G. Merzbacher и M. v. Dèchy (кромѣ карты см. панораму изъ Гуршеви въ I т. его „Caucasus“). H. Raeburn, взошедшій въ 1914 г. на вершину 2115 саж., названную и имъ В. Карагомомъ, могъ отвѣтить на вопросъ. Но на своей картѣ (op. cit.) онъ, какъ и А. ф.-Меккъ, считаетъ Скаттикомъ-хохомъ вершину 2086 саж. Одинъ Р. Афанасьевъ пытался въ „100 Caucasus Gipfel“ по новому отыскать Скаттикомъ V. Sella, но его недостаточныя указанія оставили вопросъ

открытымъ. Панорама же В. Орловскаго (Ежегодникъ Р. Г. О., т. VII), драгоцѣнная для рѣшенія вопроса, осталась безъ литературнаго анализа. Преодолѣть двѣтвенную вершину

Группа Уйлаты. 1:168000 (4 версты въ 1 дюймѣ).

2071 саж. = 4419 м. и сдѣлать окончательные выводы изъ работъ предшественниковъ по рѣшенію проблемы Уйлаты—такова была цѣль моей поѣздки.

Привлекала мое вниманіе еще и номенклатура южныхъ вершинъ горной группы Уйлаты. Мы указали на разногласія

по поводу вершины 2071 саж. Далѣе М. v. Dèchy называетъ вершину 1903 саж. Бокось-хохъ, G. Merzbacher — Бубисъ-хохъ. Вершина къ западу отъ 2071 саж. названа М. v. Dèchy Чанчахи-хохъ, а у G. Merzbacher'a пропущена. Во всѣхъ этихъ названіяхъ возбуждали сомнѣніе осетинскія приставки „хохъ“ къ грузинскимъ горамъ, возвышающимся надъ Рачей. Забѣгая впередъ, укажу, что разспросы туземцевъ установили, что мѣстная номенклатура вершинъ разработана и устойчива. Строеіе ея такое же, какъ я наблюдалъ въ Мингрелии лѣтомъ 1915 года: извѣстное пастбище или урочище носить особое имя, напримѣръ, пастбище Тбилиса; протекающая рѣка будетъ Тбилисисъ-цкали, а вершина въ истокахъ — Тбилисисъ-цвери или тави (рѣже). Исключеній мало. Поэтому, въ истокахъ рѣки Чанчахи есть Чанчахисъ-цвери, надъ пастбищемъ Буба вышется Бубисъ-цвери, надъ Тбилиса Тбилисисъ-цвери; гора Бурджула изрѣдка зовется Бокось-цвери. Въ примѣненіи къ вершинамъ названіе Бубисъ-цвери относится къ вершинѣ 1903 саж., Тбилисисъ-цвери — къ вершинѣ 2071 саж., Чанчахисъ-цвери — къ Чанчахи-хоху Dèchy (на 1-верстной картѣ высоты нѣтъ). Предпочитая туземную номенклатуру номенклатурѣ изслѣдователей, хотя бы и установленной, а тѣмъ болѣе запутанной, я буду держаться найденныхъ мною названій.

Утромъ проводники явились, сильно промѣшкавъ, и только въ половинѣ одиннадцатаго (по тифлисскому времени) мы выступили изъ Глоды втроемъ, съ однимъ вьюкомъ. На $\frac{1}{2}$ небо было затянуто кучевыми облаками и лишь на юго-западѣ, надъ ущельемъ Ріова, откуда дулъ слабый вѣтеръ, виезли дождевыя тучи. Пройдя до трехъ километровъ по направленію къ селу Гуршеви, мы, за первымъ мостомъ, свернули на тропу въ ущельѣ Бубисъ-цкали, праваго притока рѣки Чанчахи, пересѣкли славную минеральными источниками поляну Шови и по балкѣ Поросъ-цкали, небольшого праваго притока Бубисъ-цкали, стали круто подыматься вверхъ по еловому лѣсу на пастбища. Наша тропа нанесена на приложенную карту. Поднявшись на 600 метровъ, мы перевалили изъ водоема Поросъ-цкали и пошли полянами надъ правымъ берегомъ Бубисъ-цкали. На югѣ видѣлись высоты лѣваго бока долины Чанчахи — Козы-хохъ, Хамиджаури, Геске, Чхоча и Катисъ-цвери, мѣстами въ облакахъ,

на сѣверо-востокъ—подножья ледниковъ, вершины которыхъ были затуманены У одного изъ родниковъ былъ сдѣланъ привалъ. Къ 1 час. поправившаяся было погода испортилась, облачность достигла 0,9, уже $\frac{3}{4}$ облаковъ было дождевыхъ, вѣтеръ усилился. Какъ только мы снялись съ привала, пошелъ дождь. Продолжая путь, къ 4 часамъ мы достигли верховій Бубисъ-цкали и, перейдя, невдалекѣ отъ грязнаго края ледника Буба рѣку частью въ бродъ, частью съ камня на камень, стали круто подыматься на пастбище водораздѣла Бубисъ-цкали и ея лѣваго притока Тбилисисъ-цкали и, переваливъ водораздѣлъ, спустились черезъ чась къ моренѣ ледника Тбилиса, гдѣ разбили палатку (2500 метр.). Дождь пересталъ, спустился туманъ; къ семи часамъ туманъ разошелся. На югѣ блеснули освѣщенные солнцемъ откосы, цепенчренные стадами, а на сѣверѣ выросли два горба величавой Тбилисисъ-цвери (4419 метр.) и острый клинъ ея сосѣда Чанчახисъ-цвери, многочисленные ледопады и крутые кулуары верховій долины.

Выбирая путь восхожденія на вершину Тбилисисъ-цвери, я могъ идти или со стороны Цей (путь указанъ V. Ronchetti), или по восточной вѣтви ледника Тбилиса, гдѣ восходилъ на Чанчахи Raeburn съ товарищами. Ни первый, ни второй, частями разработанные пути, не представляли для меня интереса. Мнѣ хотѣлось взойти вполнѣ новой дорогой: именно я рѣшилъ держаться праваго бока долины Тбилисы, раздѣла Тбилисы и Бубы. Поэтому, выступивъ 30-го юля въ половинѣ 5-го утра (безоблачно, только нѣсколько перистыхъ облаковъ надъ Мамисонскимъ переваломъ, безвѣтренно, $t+2^{\circ}$), мы направились съ нашей стоянки вдоль морены по лоцинѣ небольшого праваго притока Тбилисисъ-цкали по полянамъ нарастающаго снѣга и по гранитнымъ валунамъ. Идя такъ, мы, наконецъ, уперлись въ скалы, свернули на востокъ и, переваливъ черезъ морену, спустились на ледникъ Тбилиса, въ сѣверо-западный уголь его нижняго поля, отмѣченный на 1-верстной картѣ въ видѣ ледяного залива, пересѣкли заливъ и, поднявшись по крайнему изъ кулуаровъ, вступили на новыя скалы, раздѣляющія нашъ кулуаръ отъ ледопада западной вѣтви ледника. Былъ восьмой часъ, изъ-за Мамисонскаго перевала ползъ туманъ, задѣвая верхушки Чанчახисъ-цвери и ея

ища. Мы отыскивали путь сперва по многочисленным водостокамъ и полкамъ, нагруженнымъ и съ надежно сидящими камнями, продвинувшись къ ледопаду, котораго, впрочемъ, не видѣли, а потомъ вернулись на сѣверо-западъ къ верховьямъ нашего кулуара. Слѣдуя нѣсколько восточнѣе его главнаго потока, мы достигли длиннаго каменнаго желоба, пробираясь по которому, неоднократно пользуясь веревкой для подъемовъ, вышли къ 10-ти час. къ невысокому, по мокрому камню, единственному пути наверхъ. Поддерживаемый нашими ледорубами, Григоринвили съ трудомъ одолѣлъ весь вымокнувъ, камень и затѣмъ втащилъ меня и Бичашвили по веревкѣ. Когда я, выбравшись на площадку надъ камнемъ, помогалъ подымать Бичашвили, увѣсистый камень съ обычной быстротой пролетѣлъ рядомъ, ударился о площадку и продолжалъ путь. Позднѣйшія наблюденія показали, что паденіе въ этомъ мѣстѣ камней, скатывающихся съ лежащаго выше языка ледника, постоянно. Пройдя нѣсколько шаговъ отъ камня, мы очутились на скалахъ, отдѣлявшихъ западную вѣтвь ледника отъ верховій той долины, по которой пролегалъ нашъ начальный путь, и надъ полемъ западной вѣтри, вмѣсто котораго на 1-верстной картѣ неправильно нанесенъ крутой уклонъ. Выбравъ широкую, недоступную вѣтрамъ площадку (3500 м.), я въ 10 часовъ 15 минутъ сдѣлалъ привалъ. Бичашвили, оказавшійся непригоднымъ для обязанностей проводника, обнаруживалъ признаки горной болѣзни. Пришлось заняться его леченіемъ и дать ему высунуться. Къ тому же погода вновь портилась. Горный юго-западнымъ вѣтромъ, ползлы туманъ и все заволокло. Халаца, Козы-хохъ и его сосѣди исчезли, вершины Тбилиссь-цвери и Чанчахиссь-цвери то выплывали, то тонули; изрѣдка выглядывало солнце, освѣщая кулуары лѣваго бока долины, исполосованные ихъ подгорными трещинами, такимъ отчетливыми и законченными, что снимокъ съ нихъ былъ бы отличной иллюстраціей руководства по альпинизму. Характеръ тумана быстро мѣнялся. Изъ проносимаго онъ становился плотнымъ, медленнымъ, изъ бѣлаго стрымъ и, тяжело крадучись, вползалъ вверхъ по ущелью. Вѣтеръ окрѣлъ. Не будучи въ силахъ осмотрѣться и опредѣлить линію восхожденія, я рѣшилъ заночевать на "привалѣ". Проводники обнесли площадку каменной огра-

дой и расчистили. Къ четыремъ часамъ пошла крупа, сначала рѣдкая, потомъ перешедшая въ градъ. Черезъ полтора часа небо, было, прояснилось, но вскорѣ вновь посыпала крупа и такъ ночью нѣсколько разъ. Сперва крупа таяла, но по мѣрѣ паденія температуры наеъ и скалы заносило. Къ утру, когда непогода утихла, бурки и камни были покрыты слоемъ льда въ 2 см. толщиной.

Въ 4 часа (31-го июля) t 0° , слабый вѣтеръ, немного слоистыхъ облаковъ надъ Геске и Козы-хохомъ. Кое какъ согрѣвшись чаемъ, мы выступили черезъ 2 часа. Такъ какъ идти по полю было затруднительно изъ-за большихъ подгорныхъ трещинъ, я рѣшилъ пробираться надъ полемъ между кулуарами и скалами и при томъ лѣстницей, именно пересѣкать кулуаръ, восходить по скалистымъ грядамъ, опять пересѣкать кулуаръ и т. д., пока не будетъ достигнутъ водораздѣлъ Бубисъ-цкали и Тбилисисъ-цкали, по гребнямъ котораго я думалъ дойти до вершины. Фирнъ былъ рыхлымъ, рубились ступени безъ труда, но обмерзшій гравитъ доставилъ немало хлопотъ. Пройдя такъ три кулуара и трижды подымаясь на скалистыя гряды, мы къ 9-ти час. вышли къ широкому ледяному потоку, восходившему къ твердому ножевому гребню водораздѣла. На 1-верстной картѣ изъ-за ея схематичности трудно указать этотъ потокъ, а предыдущіе нами пройденные кулуары вовсе не намѣчены. Этотъ же послѣдній, видимо, есть отмѣченный въ качествѣ крайняго западнаго выступа западной вѣтви, впрочемъ, не достигающей на картѣ водораздѣла.

Погода вновь и, видимо, безнадежно испортилась. Уже стоялъ туманъ настолько густой, что можно было снять очки. Правда, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе на юго-восточное и дулъ изъ-за Мамисонскаго перевала, но и онъ несъ намъ облака. Однако, я продолжалъ путь. Взойдя къ ножевому гребню и убѣдившись, что гребень ведетъ въ тупикъ, мы спустились внизъ и принялись траверсировать крутой потокъ. Изъ-за глубокихъ желобовъ на немъ, рыхлаго снѣга и, главное, неумѣнья горцевъ ходить по снѣгу, я вынужденъ былъ установить переходъ по-очереди, распуская 75-метровую веревку во всю длину, пока идущій не достигнетъ другого берега. Веревки какъ разъ хватило. Выйдя на скалы, мы повернули вправо, перешли узкій кру-

той притоке и вновь ползли на сѣверо-западъ къ водораздѣлу. Выбѣтривающіеся камни оказались не важными — всякій, даже самый крупный летѣль изъ-подъ ногъ, увлекала за собой груды. Къ 1 ч. мы вновь достигли водораздѣла — небольшого холма съ ледяной шапкой (4000 м.), за которымъ виднѣлся разломанный карнизъ, забавно завитый въ видѣ бараньяго рога, и новый крутой кулуаръ. Изъ-за тумана за ближайшимъ кулуаромъ ничего не было видно. Тщетно мы прождали съ часъ, надѣясь, что покажется Тбилисскъ-цвери. Туманъ проносился клубами, влажнѣя, безъ конца. Термометръ падалъ. Раза два выглянула Чанчахискъ-цвери, но Тбилисскъ мы такъ и не увидѣли. Къ двумъ часамъ посыпала крупа. Ночевать было негдѣ, приходилось возвращаться. Сложивъ у вершины туръ и назвавъ ее „холмомъ 31-го іюля“, мы стали спускаться. Въ пяти метрахъ ничего не различили. Кое-какъ отыскивая путь, мы достигли ледяного потока и перешли его. По желобамъ крупа, шипя, скатывалась внизъ. Лишь только мы миновали потокъ, густыми хлопьями повалилъ снѣгъ. Къ счастью, термометръ показывалъ $+6^{\circ}$ и скалы были мокрыми, не обледенѣлыми. За снѣгомъ пошла полоса ливня. Въ пять часовъ мы достигли „перваго привала“ (нашъ ночлегъ). Тамъ стояла лужа, оставшіяся вещи промокли; ночевать и тутъ не приходилось. Мы снова тронулись, торопясь засвѣтло добраться до палатки. Въ каминѣ, вмѣсто ручья, оказался бурный потокъ, смывшій къ тому же снѣгъ, облегчавшій подъемъ, и пришлось свыше получаса потратить на устройство горной канавы, чтобы отвести хоть часть воды. Однако, безъ ванны не обошлось. Въ 7 часовъ, подъ непрекращающимся дождемъ, мы были на нижнемъ полѣ ледника, перевалили морену и въ сумеркахъ, по снѣжнымъ полянамъ той же долины, по которой подымались, достигли палатки. Тамъ было сухо, но непріятно и холодно. Рододендронъ отсырѣлъ. Пришлось идти внизъ на стоянку дигорскихъ пастуховъ, которой достигли черезъ часъ. Раздѣвшись, я завернулся въ газетную бумагу, такъ какъ ничего больше сухого не оказалось, и, накрывшись буркой, проспалъ у огня до утра.

Было рѣшено ждать погоды. Но Бичашвили сдѣловало смѣнить, и я рѣшилъ двинуться въ Глолу. Просидѣвъ до полудня у пастуха Оказова, мы оставили тамъ часть вещей,

которые намъ въ Глолъ не могли понадобиться, и лошадь и тронулись обратно, спустившись къ Бубисъ-цкали болѣе южной и удобной тропинкой, выходящей къ плетенному мосту и стоянкѣ пастуховъ глолцевъ. Погода все та же. Моросилъ дождь, на покосахъ нѣсколько прояснилось, но когда мы вышли на шоссе, полило какъ изъ ведра. Вечеромъ небо не надолго расчистилось, и выросшія вдали вершины Тбилисисъ-цвери и Чанчახисъ-цвери позволили намъ отыскать „холмъ 31-го іюля“.

Въ Глолъ я пробылъ три дня: 2-го августа лилъ дождь, по 3-го и 4-го погода лишь хмурилась, по вечерамъ прояснялось. 4-го августа, вечеромъ, я нанялъ, вмѣсто Бичашвили, Ваню Бидзишвили, молодого парня и славнаго охотника, къ сожалѣнію, не говорившаго по-русски. Выходъ былъ назначенъ на 5 час. утра. Но поздно вечеромъ Бидзишвили вдругъ отказался идти, и все утро 5-го прошло въ уговорахъ. Наконецъ, отказъ былъ взятъ обратно и въ 9 час. 30 м. утра (облачность 3, слабый юго-западный вѣтеръ) мы вторично покинули Глолу, а въ половинѣ второго уже переходили Бубисъ-цкали. На этотъ разъ Бубисъ-цвери (1903 саж.), собраніе пиковъ почти равной высоты, и ледникъ Буба были видны цѣликомъ. Захвативъ у Оказова вещи, мы пошли той же ложиной, миновали старую стоянку и на два часа ходьбы выше по моренѣ расположились на ночлегъ, остановившись въ 6 час. (2900 м.). Юго-западный вѣтеръ дулъ слабо, небо было безоблачно, $t + 9^{\circ}$. Теперь вершина Тбилисисъ-цвери была видна вся, и когда солнце заходило, длинныя тѣни, отбрасываемыя скалами, позволили разобратся въ строеніи южнаго склона и выяснитъ завтрашній путь.

На утро въ 4 часа мы покинули ночлегъ и, идя прежней дорогой, къ восьми часамъ миновали „первый приваль“. Отсюда видѣлись Шода, хребетъ Ляйлы и Накеральскія горы. У каминна на этотъ разъ упали два небольшихъ камня. Мы пошли черезъ кулуары, но на этотъ разъ я взялъ ниже, предпочитая болѣе короткій и интересный путь. Идя сперва надъ полемъ, мы въ концѣ спустились на поле и перешли подгорную трещину („верхнюю“). Подымаясь отъ трещины по желобу, вскорѣ вступили на гряды скалъ, послѣднюю къ сѣверу изъ ряда грядъ, спускающихся съ водораздѣла Бу-

бисъ-цкази къ полю западной вѣтви, и пошли по южному склону. Къ 4-му часу была достигнута полка, нѣсколько не доходя до конца гряды (4000 м.). Къ юго-западу высился „холмъ 31-го июля“. Отъ того гребня, на которомъ мы теперь стояли, его отдѣляли нѣсколько отвѣсныхъ кулуаровъ и разбитыхъ карнизовъ. На горизонтѣ видѣлись Аджарскій хребетъ и сѣдловина Зекарекаго перевала.

Бидзишвили работалъ отлично. Если бы не неровный шагъ, его подъемъ и ориентировку среди скалъ можно было бы назвать совершенными. Несмотря на большой грузъ тяжелыхъ вещей и провѣанта, онъ не обнаруживалъ усталости. Нельзя сказать того же про Григоришвили. Выпивки послѣднихъ дней, о которыхъ я узналъ лишь послѣ, и, кажется, простуда сдѣлали его на этотъ разъ совѣмъ плохимъ. Шлея онъ вяло, карабкался перѣшительно, часто садился покурить, ничего не дѣлалъ, и, наконецъ, сталъ жаловаться на сердце. Поэтому, когда къ 4-мъ часамъ мы достигли упомянутой полки, я объявилъ привалъ и ночлегъ, не желая обезсиловать проводника. До той ледяной перемычки, гдѣ ледникъ Буба соединяется съ ледникомъ Тбилиса на 1-верстной картѣ, намъ оставалось пройти нѣсколько свѣжныхъ рукавовъ и немного скалъ и подняться метровъ на 200. Принявшись за очистку полки ото льда и за варку супа и чаю, я послалъ проводниковъ приготовить ступени черезъ рукава, чтобы утромъ не мѣшкать надъ окрѣпшимъ льдомъ. Черезъ часъ проводники вернулись. Небо продолжало оставаться безоблачнымъ. Солнце зашло. Тбилисскъ и Чанчакисскъ скоро погасли, и только на Халацѣ долго держались огни. Въ восемь часовъ раздался грохотъ за гребнемъ: скатилась большая лавина оборвавшихся ледяныхъ глыбъ.

Въ пять часовъ утра 7-го августа, убѣдившись въ отличной погодѣ ($t+2^{\circ}$), продолжали путь. Пройдя готовя ступени и одолѣвъ послѣднія скалы, мы черезъ полтора часа достигли ледяного холма, возвышающагося въ концѣ той перемычки двухъ ледниковъ, о которой я упоминалъ (4200 м.). Этотъ холмъ нанесенъ на 1-верстную карту. До Тбилисскъ-цвери оставалось всего 220 метровъ. Поиски дороги я считалъ законченными. Все ясно. Оставалось вступить на гребень водораздѣла и по нему достичь вершины, что не

представляло особаго труда; только въ концѣ гребень былъ нѣсколько крутъ. Тбилисенъ-цвери возвышалась въ видѣ четырехъ вершинъ, мало выступающихъ надъ общимъ гребнемъ. Двѣ западныхъ вершины и вершина 2071 саж. съ нашимъ холмомъ образовали секторъ истоковъ ледника Бубы, разрѣзанный отчетливой и высокой подгорной трещиной, а вершина 2071 саж. и восточный горбъ съ нашимъ холмомъ образовали второй секторъ истоковъ западной вѣтви Тбилисы. Отдѣльные ключья тумана, проилывая, цѣпляются за вершины. Солнце восходитъ между высшей вершиной и восточной. Еще три-четыре часа работы, и мы наверху.

Но то, что произошло далѣе, трудно было предусмотрѣть. Максимъ Григоришвили, уѣвшій на камни, рѣшительно заявилъ, что до вершины намъ къ вечеру не добраться и дальше онъ не пойдетъ. Ваню не говорить по-русски. Я спрашиваю черезъ Максима и получаю тотъ же отвѣтъ: дальше идти нельзя. Безъ толку убѣждая проводниковъ съ половины 6-го до половины 8-го, я рѣшилъ вернуться: одному идти не приходилось. Поднявшись на вершину холма („холмъ 7-го августа“), я сфотографировалъ величественный видъ Караукома и вершинъ Балкаріи (передо мной были Бурджула, Бубисъ-цвери, Сахъ-Зайне (4513 м.) и Волагати Н. Каевити'а; Сонгугти-хохъ (4452 м.) закрывала западная вершина Тбилисенъ, Дыхъ-тау и Коштанъ-тау виднѣлись отчетливо) и сталъ спускаться.

Не желая задерживаться, я взялъ новое направление по сѣверному склону послѣдней гряды, черезъ кулуары вышелъ къ „верхней“ подгорной трещинѣ, черезъ которую мы перепрыгнули, далѣе къ второй подгорной трещинѣ, „нижней“, мостъ которой мы взяли „на салазкахъ“, пересѣкъ поле, въ первомъ часу миновалъ „первый приваль“, въ четыре часа мы были у осетинъ, а въ десятомъ часу прибыли въ Глолу. Я хотѣлъ смѣнить проводниковъ, идти вновь на Тбилисенъ-цвери. Но погода испортилась. Не располагая временемъ, я прождалъ въ Глолѣ три новыхъ дня и, наконецъ, выѣхалъ въ Кутанъ. По дорогѣ шелъ дождь.

Горячо благодарю Н. М. Бидзишвили (Глола) и М. Г. Гавашели (Геби) за ихъ гостеприимство и цѣнную помощь на мѣстахъ.

Объясненіе къ картѣ.

Прилагаемая карта-эскизъ является копіей частей листовъ XXI—30 и 31 и XXII—30 и 31 1-верстной карты Кавказа, уменьшенныхъ въ 4×4 раза и снабженныхъ номенклатурой и числовыми отмѣтками. Читателю, знакомому съ трудами Н. Raeburn'a, M. v. Dèchy, D. Freshfield'a, G. Merzbacher'a, V. Ronchetti, A. Мекка и А. Ендржевскаго, нетрудно убѣдиться, какими матеріалами я пользовался, дополняя карту. Здѣсь я не буду останавливаться на критикѣ текстовъ и разборѣ контроверзь, отсылая къ источникамъ. Останавлюсь на одномъ.

Главнѣйшимъ изъ вопросовъ о номенклатурѣ и вмѣстѣ исторіи изслѣдованія группы является вопросъ объ Скаттикомъ-хохѣ V. Sella (см. выше). Его я рѣшаю, помѣщая Скаттикомъ-хохъ на водораздѣльномъ хребтѣ ледниковъ Караукома и Сонгути, тамъ, гдѣ хребетъ мѣняетъ сѣверо-западное направленіе на сѣверо-восточное, направляясь къ вершинѣ Воолагати-барзонть. Вершины Гулари Сахъ-Зайне 2115 и 2100 сажень есть восточный и западный Карагомы V. Sell'y и Н. Raeburn'a; Сонгути-хохъ—пунктъ 2086 саж. (4152 м.), принимаемый Н. Raeburn'омъ и V. Ronchetti за Скаттикомъ, есть на самомъ дѣлѣ восточная Сонгута V. Sella, которая скрывала отъ него Адай-хохъ—Уилпату, когда альпинистъ находился на вершинѣ Скаттикомъ-хоха. Вершина же, названная Волагати Н. Raeburn'омъ (восхождение 1914 г.— не смѣшивать съ вершиной Воолагати-барзонть А. Ендржевскаго)—есть западная Сонгута V. Sella (ок. 4000 м.). Скаттикомъ-хохъ можно найти на панорамѣ В. Орловскаго, помѣщенной въ VII т. „Ежегодника Русскаго Горнаго Общества“. Это—вершина, возвышающаяся между Воолагати-барзонтомъ и Чиринты-барзонтомъ на заднемъ планѣ. Вершина же между Чиринты-барзонтомъ и Туалти-серъ есть Сонгути-хохъ.

Остальная особенности карты сводятся къ номенклатурѣ и числовымъ отмѣткамъ. Въ первомъ вопросѣ я слѣдовалъ преимущественно номенклатурѣ туземцевъ (южныя вершины) и А.

Ендржеевскому. Высоты отмѣчены въ саженьяхъ согласно съ приѣмомъ 1-в. карты. Фамиліи подъ вершинами и годъ—альпинисты и годъ первовосхожденія. Черная линия—мой путь. Неванесенные на 1-верстную карту леднички отмѣчены буквой Л.

Орографическій выводъ слѣдующій: группа Уилпаты заключаетъ не меньше 40 вершинъ, превосходящихъ высотой 4000 метровъ. Наибольше мощныя вершины расположены на соединительномъ хребтѣ—водораздѣлѣ Караукома и Цей: Уилпата (4647 м.), ея плечо (4500 м.) и Double-peak (4515 и 4450 м.). Вторая по высотѣ группа—Гуларскихъ Сахъ-Зайне (4513 м. и 4450 м.). Водораздѣлъ Караукома и Сонгути несетъ (съ востока на западъ) вершины Туалтисеръ (4450 м.), Сонгути-хонхъ (4452 м.), Воолагати Н. Raëburn'a (4200 м.) и Скаттикомъ-хохъ (4300 м.); водораздѣлъ же Караукома и ледниковъ западнѣе Сонгути—вершины Воолагати-барзонть (4000 м.), Стуръ-алхойна (3200 м.), Мигнерай-алханте (4000 м.), Хузи-доръ (4000 м.), Орсъ-федаръ (4000 м.) и Сау-доръ (3900 м.). По Главному хребту вдоль Караукома идутъ съ З. на В.: Сау-хонхъ (4000 м.), Бубисъ-цвери (4100 и 4000 м.) и Тбилисисъ-цвери (4419 м.); далѣе, вдоль Цей, Чанчახисъ-цвери (4450 м.), Мамисонъ-хохъ (4268 и 4200 м.) и его плечо (Мамисонъ-хохъ G. Merzbacher'a—4048 м.). На водораздѣлѣ Цей-дона и Ардона достигаютъ: вершина V. Ronchetti—4133 м., Зарамагъ-хохъ—4200 м., Адай-хохъ—4408 м., Лагау-хохъ—4124 м. и безымянная вершина 4000 м. А „иглы Цей“ поднимаются выше 4300 м. Остальные пики расположены по окраинамъ. Альпивистическій выводъ—въ группѣ Адай-хоха еще около 20 вершинъ выше 4000 метровъ, на которыхъ не бывали альпинисты. Едва ли нинѣ какая либо горная группа на Кавказѣ представляетъ такой богатый матеріалъ для восхожденій.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества“. № 2—3 за 1917.

Тифлисъ. 1917. Типографія наследн. К. П. Козловскаго, Голов. пр., 12.